

ДЭН СИММОНС

ДЭН СИММОНС

ЗИМНИЕ
ПРИЗРАКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

С37

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Dan Simmons

A WINTER HAUNTING

Перевод с английского *Е. Королевой*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Симмонс, Дэн.

С37 Зимние призраки / Дэн Симмонс ; [перевод с английского Е. Королевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 352 с. — (Вселенная Стивена Кинга).

ISBN 978-5-17-155323-4

Жизнь Дэйла Стюарта разрушена.

Лишившись семьи и престижной работы, он возвращается в город своего детства в штате Иллинойс и поселяется в том самом доме, где когда-то жил его погибший в юности друг.

Дэйл собирается написать книгу в память о друге — но оказывается, что он не один в пустом доме. В окнах необъяснимым образом зажигается и гаснет свет, героя внезапно преследуют стаи собак, а на экране компьютера появляются таинственные сообщения на кельтском языке...

К Дэйлу приходят привидения. Но чего же они хотят?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Dan Simmons, 2002

© Перевод, Е. Королева, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-155323-4

Посвящаю Карен.

Угрюмый, бледный, истощенный,
Молчал он, будто пораженный,
Дрожащий с головы до ног.

«Песнь последнего менестреля».

Песнь VI, гл. 26 Перевод Т. Гнедич

Зимние псы

Меня гонят прочь.

Стинг. «Гончие зимы»

Глава 1

Через сорок один год после моей смерти мой друг Дейл приехал на ферму, где я погиб.

Зима в тот год была очень суровой.

Я знаю, что вы подумали. Есть один старый журналистский анекдот о том, как Уильям Рэндольф Херст¹ отправил молодого репортера в Джонстаун, где произошло наводнение, с тем чтобы тот написал репортаж для газеты. Не имевшему большого опыта парню предоставлялся отличный шанс. И на следующий день новичок прислал в редакцию Херста сообщение, начинавшееся так: «Бог восседал на одиноком холме над Джонстауном, скорбно взирая на разрушительное буйство природы».

Ветераны от журналистики уверяют, будто Херст, не колеблясь и десяти секунд, телеграфировал ответ:

«Забудь о наводнении. Бери интервью у Бога».

Я сказал, что умер сорок один год назад, и ваша первая реакция, скорее всего, была примерно следующей: «Забудь о Дейле. Кому он нужен? Расскажи нам, каково быть покойником и что представляет собой жизнь после смерти. Что значит быть призраком? Бог действительно существует?»

¹ Херст Уильям Рэндольф (Hearst, William Randolph; 1863–1951) — американский газетный магнат, прославившийся пристрастием к заголовкам на всю полосу и щедро иллюстрированным изданиям с сенсационными публикациями. Послужил прототипом главного героя в фильме режиссера Орсона Уэллса «Гражданин Кейн».

Сам я, по крайней мере, спросил бы именно об этом. К сожалению, я не призрак. И ничего не знаю о жизни после смерти. Я никогда не верил в привидения, в существование рая на небесах и Бога, в то, что душа в отличие от тела бессмертна и что возможны воскресение и реинкарнация. Не верю во все это и теперь. Себя в нынешнем состоянии я бы назвал извращением памяти. Дейл обладает невероятно сильным *ощущением* меня, но из-за испытанного потрясения настолько оторванным от остального сознания, что я словно бы существую как нечто большее, чем воспоминание, но меньшее, чем жизнь, — буквально некая черная дыра в монолите памяти, образовавшаяся под сокрушительной тяжестью горя.

Знаю, это не объяснение, но иного у меня нет. Понимаю только, что существую и что некое «оживление» — вот, кажется, самое подходящее слово — произошло, когда Дейл решил вернуться и провести зиму на ферме, где я когда-то жил и где меня убили.

Конечно же, я не помню, как умер, и знаю об этом событии не больше, чем Дейл. Очевидно, смерть человека, как и его рождение, событие столь важное, что память его не вмещает.

При жизни я был обыкновенным мальчишкой, хотя и весьма одаренным, который, твердо решив когда-нибудь стать писателем, усиленно упражнялся в сочинительстве, однако сознавал, что пройдет еще много лет, прежде чем ему удастся написать настоящий рассказ, не говоря уж о романе. Впрочем, это не мешало мне придумывать зачины своих будущих произведений.

Если выбирать готовое начало для этой истории, я позаимствовал бы его из скучного романа Теккерея «Довел, вдовец», написанного в 1861 году:

«Кому предстоит стать героем этой истории? Не мне, пишущему ее. Я всего лишь Хор в этой пьесе. Я комментирую поступки героев, рассказываю об их незатейливой жизни».

Теккереево вездесущее «я», разумеется, лжет. Любое утверждение создателя, будто он просто Хор, бесстрастный наблюдатель, свидетель поступков своих творений, лицемерно и ложно. Разумеется, я считаю, что это применимо и к Богу, — в те редкие мгновения, когда вообще допускаю возможность его существования. Как-то раз, когда мы с Дейлом и Майком дискутировали в курятнике о Господе, моим единственным вкладом в беседу стала перепарафразированная цитата из Марка Твена: «Когда мы окидываем взглядом всю боль и несправедливость мира, мы обязательно приходим к неизбежному выводу, что Бог — убийца». Не знаю точно, согласен ли я был с таким утверждением тогда и считаю ли его истинным теперь, но Майка и Дейла мои слова, несомненно, повергли в ошарашенное молчание. Особенно Майка: он в то время прислуживал в алтаре, и весьма ревностно.

Но я отвлекся от темы, даже не успев начать повествование. Всегда терпеть не мог авторов, которые так поступают. Да, сильной завязки у меня снова не получилось. Что ж, начну еще раз.

Через сорок один год после моей смерти мой друг Дейл приехал на ферму, где я погиб.

Зима в тот год была очень суровой.

На пути из западной части Монтаны в центр Иллинойса Дейл Стюарт преодолел более тысячи семисот миль за двадцать девять часов. Горы уменьшались, а затем исчезали в зеркале заднего вида, бесконечные просторы осенней прерии сливались в красно-коричнево-охряное пятно. Дейл ехал сначала на восток по шоссе 1–90, затем на юго-восток по 1–29, на восток по 1–80, на юг по 1–74 и в конце концов снова на восток. Возвращаясь к расчерченной шахматной доске Среднего Запада, он пересек почти полные два часовых пояса и всю дорогу заставлял себя пробиваться сквозь более чем сорокалетнюю толщу

воспоминаний — так ныряльщик погружается в глубину, преодолевая боль и давление водной массы. Дейл останавливался, только чтобы перекусить, заправиться и коротко вздремнуть в кемпингах на границе штатов. Он перестал нормально спать много месяцев назад, еще до попытки самоубийства, но так и не выбрал время, чтобы принять прихваченное в дорогу снотворное и как следует отдохнуть: хотел как можно скорее добраться до места, хотя не совсем понимал, зачем туда едет.

Дейл планировал приехать в родной городок в первой половине дня, прокатиться по улицам и еще засветло добраться до фермы Дуэйна, но был уже двенадцатый час ночи, когда на шоссе 1—74 появился наконец возделенный указатель с надписью «Элм-Хейвен».

Он собирался поселиться в старом доме Дуэйна в начале или середине сентября, чтобы сполна насладиться осенними красками и бодрящими солнечными деньками. А приехал в последний день октября, ночью, на исходе первого в новом столетии Дня Всех Святых, накануне зимы.

«Все вкривь и вкось, — подумал Дейл, свернув с шоссе 1—74 и проехав по пустынной ночной дороге две мили на север, к Элм-Хейвену. — Снова вкривь и вкось. Все, что я не потерял, у меня вкривь и вкось. А все, что потерял, я потерял потому, что все у меня вкривь и вкось».

Он сердито покачал головой, стараясь подавить острый приступ сентиментальной, бьющей через край жалости к себе, ощущая в мозгу туман — следствие многих ночей без сна, и нажал на кнопку, чтобы опустить боковое стекло. Сильный северо-западный ветер леденил воздух, и холод помог Дейлу немного встряхнуться. Он вырулил на Хард-роуд всего в миле к юго-востоку от Элм-Хейвена.

«Хард-роуд...» Дейл невольно улыбнулся. Он десятилетиями не вспоминал это название, но оно тут же пришло

на ум, едва машина свернула на северо-запад и, проехав по федеральному шоссе 150А, медленно вкатилась в спящий город.

Вправо уходила асфальтовая дорога, и он догадался, что так теперь выглядит участок Шестого окружного между Джубили-Колледж и Хард-роуд. Надо же! А в прежние времена это была грязная, изрезанная колеями дорога между высокими стенами кукурузы. Значит, теперь он при желании может поехать прямо на север, к ферме Дуэйна.

С любопытством глядя по сторонам, Дейл приближался к Элм-Хейвену.

С напрасным, как выяснилось, любопытством. Погруженный во тьму город казался печальным и словно бы съезжившимся. Это был совсем другой Элм-Хейвен. Маленький. Мертвый. Забальзамированный труп.

В двух деловых кварталах на Мейн-стрит вдоль Хард-роуд недоставало нескольких зданий, что сбило Дейла с толку — так сбивает с толку знакомая улыбка, лишившаяся зубов. Он вспомнил высокий фасад универмага Дженсена, на месте которого теперь была пустая площадка, равно как и на месте «A and P», где работала мать Майка. Там, где светились окна паркового кафе, теперь стоял частный дом. Гриль-бар Лаки на противоположной стороне улицы, похоже, превратился в лавку старьевщика, с витрин которого на Хард-роуд пялились запыленными черными глазами чучела животных. Двери продовольственного рынка на углу были заколочены досками. Парикмахерская по соседству с ним исчезла. Парк постигла и вовсе печальная участь: деревья свалили, пни выкорчевали, эстраду снесли, и на крошечном клочке земли теснились теперь железные каркасы сараев, а Военный мемориал был едва различим за стеной сорняков.

Дейл развернулся и поехал обратно на восток, потом свернул к северу, на Брод-авеню. Над головой низко на-

висли тучи. Холодный ветер взметал листья и гонял их взад и вперед по широкой улице перед самым капотом его «той-оты лендкрузер». Сухой шелест напоминал царапанье крысиных лап. В какой-то момент Дейл и впрямь поверил, что сотни крыс действительно носятся в пучках света от фар.

На Брод-авеню так и не поставили фонари. Огромные вязы, которые когда-то образовывали над ней арку, много лет назад пали жертвами голландской болезни, а деревья, посаженные после, по сравнению со своими предшественниками выглядели низкорослыми, кривыми и лишенными благородства. Несколько красивых старых домов с широкими лужайками — темные и притихшие — все еще сохранились. Но Дейл, словно вернувшийся домой ветеран войны, замечал и острее воспринимал утраченное, чем то небольшое, что уцелело.

Он повернул направо, на Депот-стрит, и проехал несколько кварталов до дома своего детства, стоявшего напротив того места, где когда-то находилась Старая центральная школа.

Дом, в котором прожил семь лет, Дейл узнал, но с большим трудом. Гигантский вяз, стоявший перед окном их с Лоренсом спальни, разумеется, исчез, новые хозяева давным-давно заасфальтировали короткий подъезд и пристроили современный гараж, который плохо сочетался с архитектурой типичного для Америки квадратного в плане здания. Переднее крыльцо лишилось перил. Старую белую обшивку заменили виниловой. В честь праздника на крыльце стояли тыквы и пузатый соломенный человечек в рабочих штанах с ляжками и нагрудником, но свечи внутри тыкв давно погасли, треугольные глаза сделались черными и пустыми, как у черепов, усиливающийся ветер трепал и уносил прочь соломенные внутренности человечка.

От Старой школы, разумеется, не осталось и следа. Лето шестидесятого года Дейл помнил смутно — отчетливо со-

хранилась в памяти лишь картина пылающей громады и оранжевых искр, летевших по затянутому дымом небу. Сейчас на месте исполинского прямоугольного строения ютилось несколько жалких, темных, похожих на сельские домишек, совершенно не гармонировавшие со старыми высокими зданиями вокруг. О том, что когда-то здесь были школа и большая игровая площадка, не напоминало уже ничто.

Высокие вязы-часовые, охранявшие некогда Старую центральную, конечно, погибли, а новых деревьев не посадили. Маленькие домики, построенные на квадратной площади после 1960-го, казались уязвимыми и незащитными под черным небом.

Пустые места образовались и в рядах зданий, обращенных фасадами на бывший школьный двор. Дом Сомерсетов по соседству со старым жилищем Дейла исчез, даже фундамента не осталось. Маленький белый домик миссис Мун, стоявший на другой стороне улицы, напротив Сомерсетов, снесли, площадку засыпали гравием и укатали бульдозером. Фермерский, как его называли, дом приятеля Дейла Кевина, казавшийся в шестидесятом современным и красивым, по-прежнему стоял на небольшом возвышении, но даже в темноте было заметно, что он давно не крашен и нуждается в ремонте. Два великолепных особняка в викторианском стиле севернее дома Кевина снесли, и на их месте возник короткий тупик с несколькими очень дешевыми новостройками, теснившимися там, где когда-то начинался лес.

Дейл медленно проехал на восток, миновал Вторую авеню и притормозил там, где Депот-стрит упиралась в Первую. Дом Майка О'Рурка уцелел. Крошечный, обшитый серым гонтом¹, он выглядел в точности как в ше-

¹ Гонг — дранка, используемая для кровли или обшивки домов.

стидесятом, лишь сзади, на месте уборной, была сделана небольшая пристройка. Старый курятник — штаб-квартира «Велосипедного патруля» — не сохранился, но большой огород остался. В парадном дворе перед домом по-прежнему возвышалась статуя Девы Марии. Стоя в некоем подобии наполовину закопанной ванны, Богоматерь простирала вперед руки и печально смотрела вдаль, на сжатые поля, начинавшиеся за Первой авеню.

Взгляд Дейла ничто не радовало. Все дома, мимо которых он проезжал, тонули во тьме, не считая редких огоньков у крыльца. В Элм-Хейвене и в шестидесятом было мало фонарей, а теперь, кажется, не осталось вовсе. В двух дворах на Брод-авеню горели небольшие костры, а чуть дальше, возле дома О'Рурков, тлели оранжевые угли еще одного, оставленного без присмотра. Сильный ветер разносил во все стороны искры. Дейл не помнил, чтобы в их детстве на Хеллоуин жгли костры.

За небольшим зданием средней школы Дейл повернул налево. Оставив Элм-Хейвен позади, он свернул у водонапорной башни на Джубили-Колледж-роуд и поехал на север, к Шестому окружному шоссе, чтобы миновать последние три мили, отделявшие его от фермы Дуэйна Макбрайда.

ГЛАВА 2

За одиннадцать лет своей жизни я ни разу не покидал Иллинойс, но, судя по тому, что мне довелось увидеть глазами Дейла, Монтана потрясающее место. Горы и реки там совсем не такие, как на остальном Среднем Западе. Мы с дядей Артом любили рыбачить на реке Спун, протекающей неподалеку от Элм-Хейвена, но по сравнению

с широкими, быстрыми и шумными потоками Биттеррута, Флатхеда, Миссури или Йеллоустона ее едва ли можно назвать рекой. Да и наше расслабленное сидение на берегу, болтовня и созерцание поплавок тоже едва тянут на рыбалку по сравнению с восхитительной, захватывающей ловлей на муху в Монтане. Я, понятное дело, ни разу не ловил на муху, но думаю, что все-таки предпочел бы умиротворенное времяпрепровождение в тени прибрежных кустов и беседы под журчание маленькой речушки возможности поймать рыбу. Я всегда с подозрением относился к любым занятиям спортом и активному отдыху, если они превращаются в своего рода религию, усиленно проповедуемую их поклонниками. Кроме того, в больших реках Монтаны вряд ли водится зубатка.

Угловой кабинет Дейла в университете Монтаны, дом в старом районе Мизулы, где он когда-то жил с семьей, его ранчо возле озера Флатхед мне незнакомы, но пленяют воображение. В Мизуле — городке всего с пятьюдесятью тысячами жителей — есть, кажется, все, что понравилось бы мне, стань я взрослым: книжные магазины, кондитерские, хорошие рестораны, концертные залы, очень неплохой университет, кино и драматический театр, оживленные деловые кварталы.

В течение последних десяти месяцев Дейл посещал сеансы психиатра Чарльза Холла. Впервые он обратился к доктору через два дня после того, как приставил к виску дуло своего «саважа», самозарядного охотничьего карабина, и спустил курок.

Кабинет доктора Холла, маленький, но уютный, располагается над одним из букинистических магазинов: кроны деревьев за окном, книги, картины на стенах, письменный стол, два потертых кожаных кресла, между ними стеклянный столик, на котором только кувшин с холодной водой, два чистых стакана и коробочка с салфетками «Клинекс».